

РЕНЕССАНС

НОВЫЙ

2/2010

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЪЯВИЛА О ПРИЕМЕ РАБОТ НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ

Литературная премия имени Ольги Бешенковской учреждена в знак уважения к ее памяти, а также для развития и продвижения литературной деятельности в русле заложенных ею традиций. Учредитель премии – Международная гильдия писателей.

Премия имени Ольги Бешенковской не содержит в себе денежного номинала. Главный приз – издание книги автора-победителя и ее продвижение на книжный рынок.

Кроме контракта на издание книги, премированному автору вручается диплом и памятная медаль. Если автор не является членом МГП, он получает право вступления в МГП на льготных условиях в текущем году.

Авторы, чьи работы выйдут в финал, получают право их публикации в культурно-публицистическом журнале «Новый Ренессанс». Интервью с финалистами также будут напечатаны на страницах журнала и помещены на сайте МГП.

На соискание премии Ольги Бешенковской могут быть выдвинуты:

- ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ;
- ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – статьи, обзоры, рецензии на художественные произведения, публицистика, научные исследования русской литературы и языка, и т.п.

Участие в конкурсе бесплатное.

Документы и материалы по соискателям представляются в оргкомитет не позднее 10 декабря текущего года.

Вручение премии организуется как торжественный публичный акт.

Подробности смотрите на сайте МГП:

schriftstellergilde.org

О поэте Бешенковской читайте на странице 9.

Международная гильдия писателей — ваш проводник в большую литературу.

SCHRIFTSTELLERGILDE.ORG

ИСКУССТВО БЫТЬ СКУЛЬПТУРОЙ

Замри... Умри... Воскресни... Именно в таком режиме работают живые скульптуры, которые сегодня стали неотъемлемой частью центральных площадей почти всех столиц мира, а также больших и малых туристических городов.

Где именно и когда зародилось искусство превращаться в памятники — доподлинно неизвестно. Французы провозглашают Париж колыбелью оживших скульптур. А испанцы в свою очередь утверждают, что у них впервые появились нерукотворные живые статуи — и это не безосновательно. В конце XX века именно в Барселоне три клоуна, которых звали Тонио, Пако и Пе-пе, придумали забавный аттракцион. Актеры гримировались и замирали в необычных позах. А за брошенную монетку в знак благодарности проделывали какой-нибудь трюк. Это развлечение пришлось по вкусу не только горожанам, но и приезжим. Со временем живые статуи появились в других городах и даже странах, но интерес к ним у публики по-прежнему не ослабевает.

Что же такое живая скульптура?

Живая скульптура — это «боди-арт» на новой ступени развития. Здесь скомбинировано несколько направлений одновременно: мим на постаменте, работа дизайнера по костюмам, стилизованных под мрамор, золото, медь или бронзу, и завершающие штрихи художника «боди-арта» — все это создает полное впечатление настоящей скульптуры.

Трудности профессии и секреты мастерства

Живая статуя — это искусство, которое для многих стало профессией с неплохим заработком. Фото или видео за 1 евро, две фотографии за 2 евро — туристам удовольствие, статуям денежное вознаграждение. Или же заработок на шляпу — и в знак благодарности статуя оживает. В туристический сезон, как говорят сами актеры, в час можно собрать 12 евро, а за месяц — 3 тысячи евро. В межсезонье заработок бывает вдвое меньше. Но все же хлеб у статуй не легкий.

Какие качества надо иметь, чтоб стать живой скульптурой? Безусловно здоровье, выносливость (терпение), когда стоишь по 6-7 часов в сутки в любую погоду, а еще умение перевоплощаться. В Европе живые статуи работают в основном на улице. Стоять, замерев на длительное время, достаточно непросто. Кроме того, статуи еще все в краске и невероятных одеждах. Дышать приходится только ртом и носом, ибо все поры закрыты. При этом дыхание должно быть равномерным и спокойным. Опытные статуи рассказывают, что сохранять позу несложно, если есть определенные навыки, гораздо сложнее заинтересовать людей, привлечь к себе. Несмотря на строгость образа, можно шире использовать спектр движений, работать мимикой, жестами, активнее «общаться» с аудиторией. И сами движения должны быть хоть и четкими, но плавными и мягкими, чтоб вызвать яркую реакцию у людей.

У скульптур разный подход к работе. Некоторые стоят совершенно неподвижно и благодарят за подношение одним-двумя заученными движениями. Другие — вовлекают в действие прохожих, общаются, шутят с пуб-

ликой. Правда, иные зрители иногда проявляют слишком большой интерес: пытаются ущипнуть, пристают с разговорами, нарочно смешат и говорят разные гадости. Бывают случаи, что и деньги могут утащить, чтоб спровоцировать какие-нибудь активные действия. Но скульптура на то и памятник, хоть и живой, чтоб безмолвно все выносить и оставаться неподвижной.

Живые статуи дают возможность воплотить множество совершенно разных образов. Это и фантастические создания, исторические личности, ангелы или демоны, знаменитости, сказочные и литературные персонажи, герои кино и мультфильмов – фантазия тут безгранична. Костюмы для своих статуй актеры придумывают и делают сами, одновременно выступая в роли дизайнера и мастера-изготовителя. Удачным дополнением к образу может служить специально изготовленный реквизит, свет и аксессуары. Грим – тоже дело собственных рук и техникой его нанесения владеть просто необходимо. Ведь бывает, что и под дождик можно попасть, а статуя должна оставаться статуей в любых погодных условиях.

Закон никак не регламентирует деятельность уличных артистов. Налогов они не платят, ибо ничего не продают в материальном смысле. Единственное требование – рабочее место скульптуры не должно превышать полутора метров, а расстояние между композициями – пяти. Актеры-статуи никому дань не платят, а все собранные деньги и составляют заработок. Такая вольность профессии позволяет путешествовать и работать одновременно. Когда туристический сезон в родной стране заканчивается, всегда есть возможность

отправиться в жаркие края, сочетая отдых с работой. А если возникнет желание, можно и на Фестиваль прокатиться, чтоб людей посмотреть, себя показать и заодно что-то подзаработать.

Европейский фестиваль живых скульптур

Сегодня фестивали живых скульптур не являются поводом для удивления, скорее вызывают интерес. Их проводят в рамках города, региона, страны. Совсем недавно появился и Европейский фестиваль этого вида искусства.

Бельгийский город Ломмел вот уже несколько лет подряд привлекает туристов и радует местных жителей необычными летними фестивалями. Именно здесь, впервые в провинции Лимбург, начали проводить фестивали песчаных фигур. Сюда съезжаются театралы и музыканты на международные творческие встречи. А три года назад городская мэрия и отдел по туризму пригласили к себе в гости на первый европейский фестиваль живых скульптур всех любителей столь необычного искусства.

Идея подобного мероприятия возникла весьма спонтанно. Во время городского праздника Песка, который проводится вот уже несколько лет в конце августа, на улицах стали появляться живые фигуры в исполнении бельгийских актеров. Они собирали немало зрителей, с ними фотографировались, пытались разговорить и заставить пошевелиться. Подобный интерес не остался незамеченным и послужил толчком к рождению нового фестиваля. Организаторы не ошиблись в успехе – два фестивальных дня собрали больше сорока тысяч зрителей со всех концов страны и многочисленных туристов.

Неожиданностью стало и количество участников. Более пятидесяти актеров с разных европейских стран приехали показать свое искусство и участвовать в борьбе за первый приз, представив на суд зрителей 300 выступлений. Не удивительно, что после такого успеха фестиваль решили сделать традиционным, и назначить время проведения – конец июня.

В этом году ожившие скульптуры съехались уже на третий Европейский фестиваль. Кроме участников из Европы, на фестиваль приехали артисты из Аргентины, США, Бразилии, Кубы и даже Чили.

К своим выступлениям без слов и жестов участники подготовились

заранее и придумали воплощение сами. Но залог успеха кроется не только в образах и костюмах, а в самом представлении персонажа. Главное условие – максимально походить на статую. «Замереть в определенной позе и «умереть» на время», – как шутят сами артисты. Правда, отмирать тоже разрешалось, если зрители бросали монетку в специальную емкость или шляпу у ног статуи. Тогда скульптура оживала на несколько секунд и, поменяв позу, снова вставала изваянием. При этом зрители, особенно дети, сами замирали от восторга, наблюдая как оживает застывшая жизнь. Некоторые актеры настолько вжились в роль изваяний и вписались в интерьер улиц и парка, где проходил фестиваль, что их просто не замечали. Только таблички и емкости с монетками выдавали настоящих мастеров. Кстати, не все скульптуры работали одновременно – в течение дня актеры сменяли друг друга. Они хоть и скульптуры, но все же живые, значит и им необходим отдых. Самые любопытные из зрителей даже вступали в разговор с отдыхающими статуями и фотографировались с ними в нерабочей обстановке. А чтоб праздник был разнообразным, гостям предлагалось посидеть в уличных кафе и поучаствовать в песенных состязаниях, посмотреть выступления циркачей, купить себе пару безделушек на праздничном рынке или понаблюдать за работой народных умельцев.

Победителей необычного фестиваля определяли зрители. В течение двух дней можно было отправлять смс-сообщения с номерами наиболее понравившихся скульптурных композиций. В рамках фестиваля для всех желающих прошел семинар «живых статуй». Слушателей обучали азам искусства перевоплощения и давали возможность почувствовать, каково быть памятником. В городском парке свое мастерство наряду с профессионалами, показывали новички, среди которых были и школьники. И их композиции пользовались у зрителей не меньшим успехом, чем у артистов со стажем.

Замри... Умри... Воскресни... Как детская считалочка, как тайна, как бесконечность... И все это – искусство быть статуей.

Елена Яхненко

У нас в гостях Светлана Романова,
писательница, член МГП.

В ДУХЕ СОВРЕМЕННОСТИ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА-МИКСТ (ОТ АНГЛ. MIXED — СМЕШАННЫЙ)

Может быть, это звучит как-то очень своевольно, но отрицать, что возникли новые течения в современной литературе, уже невозможно. Так что это за течения и как их описать? Прежде всего, конечно, хочется отметить, что литература — всегда современна и всегда такова, какой она есть в этот миг. Иными словами, литература — это жизнь в эту самую неповторимую секунду. И, как в любом человеке намешано всего, будто в аппетитном блюде, — муки знаний, свежайшего молока желаний, горчинки, перчинки, пупырчатой серы, порой ради острого вкуса, и не всегда удобоваримого, так и литература — всегда полная чаша. Чаша, которая до краев наполнена разнообразными сочинениями, — и чудесными, и серьезными, и страшными, и совсем уж слабыми. Но даже самое неудачное произведение отражает свой, может быть очень важный для кого-то кусочек жизни, и в этом смыс-

ле, по-моему, тоже считается важным. И литература всегда была полной чашей, ибо люди не меняются. Нет, в смысле менталитета, традиций, одежды, вкусов, конечно, цивилизация не стоит на месте, и отрицать это смешно. Приходят новые слова, изобретения, открытия, явления в обществе, а вот души людей — не меняются. И если кажется, что человек стал другим, мне сдается, это не более, чем иллюзия. Это как с любовью: все, что мы любим, мы любим всегда, даже если втискиваем в далекие туманные антресоли души.

Литература — живое, честное, ароматное отражение человечества, хотя и имеет свои особенности каждое новое десятилетие, но не меняется уж очень ощутимо. Так, например, увлекаясь теориями выживания человека в экстремальных ситуациях, я пришла к парадоксальному выводу. Какому? Вы удивитесь! Самое лучшее пособие по

выживанию человека в экстремальных условиях, что бы вы подумали, — «Таинственный остров» Жюль Верна! Не верите? Прочтите! Уверю, о важности труда, мужества в момент несчастья, подчинении высшей цели, помощи ближнему — нигде лучше не написано!

Теперь про удивительный дух современности, который придает литературе начала XXI века, особое, на мой взгляд, отличие. Человечество пришло к этому времени, изучив уже хорошенько свои причудливые орнаменты, свои ясные и смутные траектории и полюбило собственные мужество и доблесть, доброту и нежность, преданность и милосердие, чаянья и мечты, мрачноватую грацию и ребячью непредсказуемость. И, достигнув зрелого этапа развития, может теперь создавать нечто необычное, смешанное, соединенное без трещин и пустот, некий Микст. Оттого в литературе XXI века фантастика и история, классика

О себе.

«Первый рассказ, если не ошибаюсь, я написала в 11 лет. Одноклассники звали гулять, я же хотела только писать. Мать не препятствовала моему увлечению и позволяла после уроков садиться к столу и сочинять романы, рассказы, сказки, эссе. За это я ей очень благодарна. Что-то из моих работ гондилось для стенгазет, для сочинений, для школьных конкурсов, что-то читалось только лучшей подруге.

С 1994 года я начала работать в Центре педагогической реабилитации. Там, кроме всего прочего, преподавала курс истории и культуры Санкт-Петербурга для наших клиентов — особых детей. Вот тогда-то и пригодилось мое умение сочинять, так как дети не могли усвоить скучные цифры, а рассказы наоборот запоминали.

С рождением собственных детей, наконец-то я поверила в свои силы, ибо мои сказки и рассказы имели успех у детей и их друзей. Позже начала публиковать свои произведения. Последние публикации: несколько детских рассказов вошли в сборник «Бобби и все, все, все...», (Германия-Бельгия, 2009 г.); рассказ «Перышко ты мое...» вошел в сборник произведений победителей литературного конкурса «Гоголь-фэнтези» им. Рудого Панька (Херсон-Каховка, 2009 г.).

Особая моя любовь — большая проза, исторические романы. Что еще я люблю? Нераскрытые тайны, мужественных людей, обожаю героинь-женщин, которые в самых разных обстоятельствах не утрачивают способность любить и радоваться жизни. И еще — в книгах мне нравятся забавное начало и счастливый финал.

Читателям «Нового Ренессанса» я хочу представить эссе, которое родилось в процессе ознакомления с основными задачами этого журнала».

и энциклопедические знания перетекают друг в друга на первый взгляд непонятно как, но лихо, пленительно, естественно, непосредственно, будто ребенок лепит из глины. Самые драматичные произведения пишутся в юмористической манере; в романах, основанных на бесспорных фактах, царят откровенно мифические существа; научная фантастика прочно соединилась со сказочной. Надо отметить, что современная литература обожает тайны и неизвестность, обожает, как художник, смешивать их с суровым полотном жизни и выдвигать смелейшие гипотезы, как например: отчего это озеро Байкал так часто внезапно штормит без ветра? А, возможно, туда впадает подземная река Стикс? Может быть такое в Микстовой литературе? Да! Да! Да! Литература сегодня, как никогда, свободна. Свободна увидеть в первых лучах весеннего солнца эльфов, в брызгах родника под горкой – нимф, а за ближайшей гранитной стеной в Лондоне – чудной мир волшебников, о котором большинство не знает, многие догадываются, а некоторые и живут в нем.

Почему это стало возможным? Люди раскрепощены, уважительно относятся к себе и окружающим, как дети, а ребенок никогда не называет

свою игру, он просто творит, живет, дышит, наслаждается тем, что он есть, и есть родители, и этот прекрасный дождливый (ясный, теплый, туманный) день. И это, на мой взгляд, прекрасно! Вот потому так много сейчас фэнтези, эклектики не только в литературе, но и в искусстве, а также в душах людей. Это будущее, которое пришло и явило нам, как на большущем куске ватмана, нас повзрослевших, уверенных, насмешливых, чутких, полных жизненных сил и наслаждения самим присутствием бытия и имеющих возможность рисовать окружающий мир широкими мазками вдохновения.

Что еще отличает современную Микстовую литературу? Только в нынешней литературе так любят героев – совсем уж классических и современных – настолько, что за просто меняют их и позволяют им измениться. Меня поражает, как дети (и взрослые, да и я, признаюсь), с увлечением придумывают диалоги героям, которых не было, да и не могло быть в книгах. Средневековые рыцари говорят на молодежном сленге, вампир испытывает любовь к смертной девушке-бухгалтеру, обычные школьницы оказываются ведьмами, царят миры Параллельные, Внескорстные, Аль-

тернативные, Обратные. Но, с другой стороны, можно ли знать героя, если отказать ему в праве меняться, в праве попробовать поставить его в новые условия, вдруг предложить поревновать или сразаться уж с чем-то совсем запредельным? Мне кажется, нет. Вот и участвуют герои – от исторических трактатов Геродота до рассказов Гарри Гаррисона – во многих современных книгах, насыщая знакомую реальность свежестью только что выращенных сладких роз и давно собранной горькой соли. Плохо это? Мне кажется нет.

И еще, современная литература, на мой взгляд, интересуется другими причинами событий в мире, не очевидными. Она напоминает мне блистательные романы Александра Дюма, где судьбы стран, народов, людей не в полной мере зависят от социально-экономических условий их жизни, а очень часто от любовного взгляда, жесточайших мук ревности, жажды успеха одного человека или мук разбитого сердца его же. Сейчас в романах, мне кажется, герои осознают себя не марионетками обстоятельств, что вы! А теми, кто их формирует, в них живет, щедро рассыпает жемчуга чувств.

А что может быть более жизнеутверждающим?!

Жена размахивала передо мной распечаткой банковского счета и голосом надтреснутой радиоточки вопрошала:

– ДОКОЛЕ??!

Я проснулся со звоном в голове. Жена мирно дышала рядом, до рассвета было далеко. Самое время подумать.

2007 год ознаменовался тем, что фирма, совместно с которой я занимался в Вашингтоне и Монреале восстановлением старинных лестниц, балконов и прочего декора из металла, начала терять клиентов. Под напором копеечной китайской продукции – заказ по каталогу с доставкой – наш ручной труд уже не требовался. Реставрация стала потихоньку превращаться в имитацию. Не полноценное чугунное или бронзовое литье, а ржавеющая через год пустотелая железка. Я с досады язвил: «Прямо киношный ампир на выброс».

А ведь давно сказано: «Не произноси имени нечистого вслух. Явится».

С утра объявил, что буду искать контракты самостоятельно.

– Где? К прохожим начнешь приставать? – резонно поинтересовалась жена.

На этот вопрос ответил сильным жестом: схватил фолиант телефонной книги и, подобно Моисеевым скрижалям, вознес его к потолку.

Домашние давно усвоили, что спорить со мной в период весенних обострений не имеет смысла.

Я стал прозванивать все подряд, что заключало в себе скульптурные термины. Например, на слово «Монумент» мне ответил театр под таким названием. Но это меня не остановило. Под рубрикой «Скульптура» обнаружилась непонятная студия; ничуть не удивившись моему звонку, дали телефон какого-то Рене. Ладно, и Рене сойдет.

Рене поинтересовался, работал ли я для театра – «опять театр?» – и назначил свидание.

На берегу Св. Лаврентия громоздились самолетные ангары. В офисном корпусе я нашел дверь с надписью «Мумия-3. Рене Казава».

– Вы от кого?

Кудрявый молодой человек смотрел на меня вопросительно.

– От телефонной книги.

– Хорошая шутка. Мне срочно нужны скульпторы. Но я не давал объявление. Вам кто сообщил?

– Никто... А куда я попал?

– Голливуд. Фильм «Мумия-3».

Мы недоуменно уставились друг на друга. В дальнейшем деликатный канадец не повторял вопроса, но втихую подозревал в особых связях. Тем более что пара чьих-то жен крутились в коллективе и «даже» получали чеки.

Преодолев взаимное смущение, мы с Рене перешли к делу: он к документам и фотографиям моих работ, а я к будущим обязанностям и зарплате. Объемы последних двух меня удивили. За очень хорошие деньги надо было работать три месяца по 10 часов ежедневно, плюс сверхурочные и субботы по надобности. При таком режиме сил на творческие работы не наскрести. Рене развернул фото, что шли из Лос-Анджелеса. Требовалось воспроизводить китайскую средневековую архитектуру, скульптуру и внутренний декор. Разорила меня восточная держава, так пусть теперь компенсирует. Я дал согласие.

Если сказать, что присутствие Голливуда в Монреале было для меня новостью, так это неправда. На исторических улицах Старого Города я встречал характерные трейлеры; пресса регулярно сообщала о контактах Мадонны или Роберта Де Ниро с перилами «моей» парадной лестницы в пятизвездочном отеле «St-James». Секрет их любви к Канаде был известен: курс американского доллара превосходил канадский в 1,4 раза и делал съемки у нас очень дешевыми. Однако я не представлял масштабы этой любви и, воображая себя реставратором «навсегда», абсолютно оторвался от реалий.

В свое время сын сводил меня на «Мумию-1». Это полудетское действо заставило меня заявить, что актерская игра умерла, художники тоже, и только компьютерная анимация торжествует. Вот что значит поверхностность суждений!

Теперь все вскрылось. Правда, актеры так и не заблистали, но художники-декораторы...

Я был включен в группу скульпторов из 12 человек: 6 местных и 6 эмигрантов из Польши, Болгарии и Венесуэлы. От бывшего СССР – я единственный. Болгары с удовольствием общались со мной по-русски.

Рене приносил как фото подлинных объектов, так и выполненные компьютерным графиком рисунки или наброски. Их надо было воплотить в объеме. Я работал над рельефами для большой арки, лепил в пластилине. Форматоры снимали с них формы и отливали гипсы. Живописцы раскрашивали под камень, запорошенный снегом.

Эту арку вы легко найдете в кадрах фильма. Потом последовали резанные из пенопласта трехметровые рельефы, орнаменты для интерьера, половина от стоящего божества (вторую половину делали другие), совместная работа над древнекитайской обсерваторией и гигантским спящим Буддой в пещере. Не считая мелочей в виде валунов или стен, якобы из песчаника. При этом мы должны были молотками оббивать свои работы перед покраской, для пущей имитации древности объектов. Последняя операция носила явно мазохистский оттенок и порождала самоедские комплексы. Один из участников группы изрек, что настоящий скульптор в кино работать не пойдет.

О пламень юного максимализма!

Десятки людей связали свою жизнь с сооружением грандиозных по размеру декораций, не пасуя перед исторической и художественной ценностью или природной уникальностью оригиналов. Руки от пиетета не дрожали, общение с нетленным не вводило в транс.

Дворец так дворец, пещера так пещера. Пантеон богов... Подумаешь, и он будет... Через две недели. Обыкновенное народонаселение покупает экскурсии, чтоб прикоснуться к священным камням. Вам нужны камни? К вечеру?

При этом уверен, что авторы фильма не сильно были обеспокоены присутствием изображаемых объектов в одном конкретном месте и

в одну историческую эпоху. Не в «Истории» голливудское счастье, а в концентрации ее атрибутов на единице кинематографического пространства времени. Скептиков синтетическим снегом закидаем. Всякие китаеведы, всякие эксперты и археологи пусть в кино не ходят. Ведь на мои наивные вопросы, где фото, ну, например, бижутерии соответствующей эпохи, Рене отвечал: «У тебя набросок общего контура фигуры есть? ОК? А дальше сам сочиняй. В соответствующем стиле. И побыстрей».

Теперь стоит сказать похвальное слово скромному, но главному герою декорационных чудес. В тех ангарах господствовал отнюдь не крылатый дюраль, а всеми осмеянная фанера. И ее сотоварищи: гипс, мешковина, тонкая металлическая сетка, прозаическая глина и пенопласт, пластилин, формовочный силикон. Но главным была она, невыразительная, как Золушка. И чего только с ней здесь не творили. Плотники выпиливали, монтажники сверлили и приколачивали, строя по чертежам реберные конструкции, пристреливали сетку. И на этот скелет мы наращивали гипсовое мясо. Прочность была

удивительная, любые размеры, любая конфигурация достигались за несколько дней и ни разу ничего не пошатнулось, никто ни упал, ни провалился. Работать можно было совершенно безопасно. И за сохраненные руки-ноги фанере – искреннее спасибо!

Прохлаждаться нам не давали: над спящим Буддой мы работали по 12 часов ежедневно, акробатствуя на строительных лесах. Работали в одном ангаре, а в соседнем, в уже готовых декорациях, днем и ночью шли съемки.

Никому в голову не приходило богать выглядывать каких-то «звезд». В нашем представлении их лицедейство не шло в сравнение с нашей циклопической работой. В фильме же все смотрится ровно наоборот: наши труды фон, фон, фон. Да и то, только тот, что не выбросили при монтаже фильма.

Авторитетно заявляю: Голливуд может имитировать ВСЕ. От Эвереста до зубочистки Людовика XV. Может даже построить коммунизм в отдельно взятом ангаре, но это все на вид будет ПОЧТИ настоящим. Со скидкой на «время – деньги».

Если сто лет назад противопоставлялись наука и религия, то сейчас наука спорит со зрелищем. «И кто кого?»

На территории голливудского царства-государства ответ ясен.

И хотя я сам был возведен в сан фанерных волшебников, но это всемогущество слегка пугало.

Впечатления, как видите, у меня противоречивые. Хорошо, что вход на съемочную площадку ограничен для посторонних. А то запросто сведем человечество с эстетического ума. Да это и так потихоньку происходит, ведь и новейшие тенденции в реставрационном деле (смотрите выше) и голливудское безбрежье – вещи одного порядка. Толи еще наворотим.

Киношные труды не продолжались в следующем сезоне. Той же осенью американский доллар стремительно упал, делать фильмы стало выгодно в самих США, а теперь еще и страны Восточной Европы стали заманивать дешевизной. Восстановится ли кинопроизводство в Монреале – неизвестно. Профсоюз работников кино все уговаривает клиентов. Может, что и выйдет. Когда у них получится, тогда напишу еще одни «типа мемуары».

Леонид Ватник

НЕ ЛУЧИ ЛЮБЛЮ Я, А ИЗЛУЧИНЫ...

Жизнь Поэта... О каждом его дне можно писать и длинные-предлинные трактаты, и свести все радости и горести, тяжкие раздумья и художественные открытия стихотворца буквально к нескольким словам: жил как творил и творил как жил...

Ну и, конечно же, его стихи, в которых его «жизнь и судьба» неразрывны, как неотделимы друг от друга в природе цвета радуги. Какой-то один убери, и вот уже чуда нет, а есть лишь холодный лабораторный эксперимент, демонстрирующий нам только физическое строение света, но никак не его живую трепетную душу...

Имя поэта Ольги Бешенковской (именно по-особому суровое и бескомпромиссное «поэт», а не «поэтесса» с извечными гендерно-трагическими сю-сю), любителям поэтического Слова известно давно. Ведь за спиной у нее остался уже не один десяток лет, до краев наполненных подлинно свободным литературным творчеством, причем свободным в откровенно несвободной стране, нелегкий опыт более чем 20-летнего писания, как тогда говорилось, «в стол», без малейших шансов на какую-либо встречу со своим потенциальным читателем. Но читатель был уже давно, и не только потенциальный, но и совершенно реальный, с нетерпением ждавший каждое новое произведение этого на редкость сильного и отчаянно смелого пиита с берегов так богатой на поэтические таланты Невы.

И это не удивительно, ведь очень рано Ольга Бешенковская стала одним из общепризнанных лидеров того мощного и всегда художественно плодотворного слоя ленинбургской литературы (ее собственный неологизм, отражавший кафкафскую, по сути своей, реальность той поры), который одни с искренней гордостью, а другие с нескрываемым раздражением называли «второй литературной действительностью». Ее стихи и поэмы, часто даже без ведома самого автора, сотнями копий разлетались по городам и весям огромной страны, и нередко даже просачивались через все возможные щели охранявшего духовное целомудрие советского человека «железного занавеса»,

оказываясь на многочисленных страницах всевозможного «сам- и там-издата».

Более десятка самодельных поэтических книг официально не существовавшей тогда и, казалось бы, обреченной на пожизненное литературное забвение Ольги Бешенковской, хранятся у меня дома в ее теперь уже мемориальном книжном шкафу, так как самой его хозяйки вот уже почти что четыре года как нет в живых. Но все они — лишь малая часть всего того, что вышло тогда из-под ее пера в казалось бы мертвое для всего живого время «застоя». И при этом, буквально считанные публикации, каким-то чудом появившиеся в печати, и то только на излете благословенных лет Оттепели...

xxx

Россия. Ночь. Атараксия.
Тетрадь в светящемся кругу
И голубые на снегу
Линейки сосен теневые,
Не эта ль сумрачная связь
Сомнамбулических сияний
И не дает как в ересь впасть
В отъездов горькую всеядность?
Все древесина и вода,
Но Боже! Как осиротело
Молились рухнуть господа
Не от инфаркта — от расстрела...
И улыбающийся в блиц
Весь мир заменит мне едва ли
Кастальский луч в слепом подвале
В стальном репейнике границ...

Идет время, рождаются новые и новые поэтические строки, причем рождаются под уже привычные звуки монотонно гудящих котлов за многие годы работы в котельной, куда Ольга Бешенковская, теперь уже кочегар с многолетним трудовым и литературным стажем, попала после того, как еще в приснопамятные «застойные» времена, по указанию «литературоведов в штатском» она оказалась навсегда лишена права работать и в советской прессе тоже.

Котельные смены привычно сменяют друг друга и нет им числа. Неизменными остаются благодарные за гостеприимство, теплоту и какую ни есть нехитрую еду котельные кошки. Так уж было давно заведено, что кочегары никогда не забывали принести из дома своим хвостатым уже почти что коллегам по ночному бдению чего-нибудь съестного, кто чем богат...

Там же, в котельной, Ольга Бешенковская вместе с коллегами по работе и творчеству вот уже несколько лет выпускает самиздатовский литературный альманах «ТОПКА», что расшифровывается как «Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторы». Буквально массовый исход художественной интеллигенции в котельные (более всего такое интереснейшее культурологическое явление проявилось именно в городе на Неве).

Особой главой в биографии Ольги Бешенковской стала эмиграция. Вместе с семьей в 1992 году она переезжает в Германию, в город Штутгарт, который до самой ее безвременной кончины в 2006 году, становится центром не только поэтических переживаний, но и художественного познания нового мира и новых жизненных реалий. И хотя за окном давно совсем другие, южно-германские пейзажи, Россия, родной, теперь наконец-то уже – Петербург(!), традиционно непростые российские раздумья не покидают ее никогда. Это находит свой отклик во всем, о чем пишет Ольга буквально с первых недель и месяцев по приезде на новое место жительства. Кстати, именно тогда многие из этих впечатлений нашли свой отклик и в ее литературно-публицистических эссе на Радио «Свобода» в очень популярной в 90-е передаче «Писатели у микрофона», и в многочисленных публицистических газетных и журнальных выступлениях. Но, естественно, наиболее ярко все это отразилось в ее стихах.

XXX

Знаю: Родина – миф. Где любовь – там и родина... Что ж
Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия.
Лист шершавый колюч как в ладони уткнувшийся еж,
И любой эмигрант на закате речист как Мессия...
Ибо обе судьбы он изведal на этой земле.
От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
И брести, и вести босиком по горячей золе
Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
И не меч вознести, а блистательно острую речь!
И славянскою вязью еврейских пророков восславить,
Зная: Родина – мир... Где любовь – там и родина... Но
И любовь – там, где родина... Прочее – лишь любованье...
Как темно в этом космосе... (Помните, как в «Котловане»...),
А в России из кранов библейское хлещет вино...

Потом будут двенадцать номеров первого в истории Германии (а, может быть, и не только Германии) «толстого»

литературного журнала «Родная речь», задуманного и в течение трех лет выпускаемого ею совместно с художником и профессиональным редактором Владимиром Марьиным. Это во многом уникальное издание мало того, что познакомило тысячи и тысячи своих читателей с той богатой литературной культурой и традициями, которые привнесла в жизнь этой части Европы новая российская диаспора, но и помогло очень многим авторам, и только лишь начинающим, и ранее даже маститым, вновь сделать свои первые литературные шаги в нелегких условиях эмиграции.

Не секрет, что перемена места жительства, тем более, перемена такая глубокая и радикальная, – это всегда серьезное испытание для каждого. Находясь, в силу своего художественного таланта, в самом центре культурного процесса русскоязычного эмиграционного сообщества, опытным глазом и поэта, и публициста, Ольга смогла создать в своем литературном творчестве целую галерею характеров и нравов бывших советских людей, многие качества которых, как прекрасные, так и отталкивающие, в этих новых условиях увеличились как бы стократно. И со свойственным ей мастерством это в своих прозаических и поэтических произведениях отразить.

XXX

Эти взгляды в чужие кошелки, и зависть, и спесь,
по которым советских везде узнаешь эмигрантов...
Весь нехитрый багаж их, похоже, покоится здесь:
в настороженном виде и странных повадках мутантов...
Это надо же, как размело-раскидало народ:
одичавшая армия ленинцев бродит по миру
и дивится, что здесь все не так уж и наоборот –
соблазнитель пир, но чужим не положено к пиру.
Вот и мнится Россия непаханым полем вдали,
зарастает крапивой и всяческим чертополохом.
Господа диссиденты, мы сделали все, что могли:
отдыхает земля и готовится к новым эпохам...
И придут инженеры точнее немецких часов,
и поправят кресты элегантно-французские внуки.
Зубы ломит колодезной. Сорван железный засов.
А теперь – помолясь – за ремесла, стихи и науки!..

Естественно, что подобные строки одарили Ольгу Бешенковскую как многими искренними друзьями, так и немалым количеством не менее искренних врагов, чаще всего среди тех из «собратьев» по литературному цеху, к прилагательному «талантливых» которых неизменно просится еще все объясняющее добавление «немного». Удивительная метаморфоза в сторону откровенной нравственной деградации, что происходит нередко с, казалось бы, еще вчера порядочными людьми, которые волею судеб вдруг очутились в обстановке относительного материального и социального благополучия.

Но какой бы горькой и жесткой не бывала подчас ее Муза, умение в любых жизненных обстоятельствах всегда находить хотя бы малейшие проявления любви и добра помогало Ольге Бешенковской создавать свой особый, полный поэтического света мир. Одна за другой и в России, и в Германии выходят ее поэтические книги на русском и немецком языках. Последнее особо примечательно потому, что буквально через несколько лет эмигрантской жизни она становится членом творческих и журналистского, и писательского союзов уже и Германии тоже, а не

только в родном Отечестве, где ее имя давно уже заняло свое подобающее место среди ведущих поэтов современной России.

С появлением в доме компьютера круг общения стремительно расширяется. Отыскиваются многочисленные друзья и собратья по поэтической Музе буквально по всему миру. И это понятно, ведь судьба многих из тех, с кем прошла литературная юность Ольги Бешенковской, очень часто складывалась так, что они тоже вынуждены были покинуть свое любимое, но далеко не любящее Отечество.

Теперь невидимые нити Интернета вновь связывали пускай уже и остепенившееся и заметно поседевшее, но все еще такое же свободолюбивое и неподкупное литературное петербургское братство. И вот как результат, к 300-летию Петербурга, стараниями все той же Ольги Бешенковской, в немецком издательстве «Эдита Гельзен» появляется поэтический сборник «ГОРОД-ТЕКСТ», в котором ею были собраны стихи авторов буквально со всего мира, полные самой искренней любви к этому прекраснейшему из городов. Другим литературным преподношением к юбилею Северной Пальмиры стала ее собственная, прекрасно изданная издательством «Журнал «Нева» книга «ПЕТЕРБУРГСКИЙ АЛЬБОМ», одна из более чем десятка, увидевших свет при жизни Ольги.

В том же, 2003 году, Ольга Бешенковская выпускает совместно с недавно трагически погибшим известным киевским поэтом Юрием Капланом и мюнхенским филиалом всемирного Толстовского фонда другую, тоже во многом уникальную поэтическую книгу «КИЕВСКАЯ РУСЬ», которая знакомит читателей со многими талантливыми стихотворцами, но уже с берегов Днепра, пишущими по-русски.

Такое трепетное отношение к талантам других, знакомых, а чаще всего, и совсем незнакомых коллег по литературному содружеству, отношение, чего греха таить, так редко встречающееся среди людей любых творческих профессий, всегда было еще одним ярким проявлением незаурядности Ольги Бешенковской и как литератора, и как человека. И, может быть, самым впечатляющим проявлением этого творческого и человеческого подвижничества стал выход в 2006 году литературного сборника «ЛЮДИ МУЖЕСТВА», который Ольга задумала и подготовила к печати, уже сама, будучи смертельно больной и зная о своей скорой неминуемой кончине. В этой, по характеру своему во многом печальной и одновременно оптимистичной книге, под одной обложкой были собраны

поэтические и прозаические произведения наших соотечественников-инвалидов.

Есть в немалом поэтическом наследии Ольги Бешенковской особо дорогое мне четверостишие, которое, по-моему, как нельзя лучше раскрывает то, чем была для нее Поэзия, и кем в отечественной литературе стала она сама. Называется это коротенькое по форме и внешне даже шутливое стихотворение: «ОТВЕТ ОДНОЙ УВАЖАЕМОЙ ПРЕСС-СЛУЖБЕ НА ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ», а далее:

Не лучи люблю я, а излучины
с их подводным, чуть дрожащим светом.
Не была я винтиком закрученным.
Мне ли быть раскрученным поэтом?..

Вот этот «дрожащий свет» прекрасного стиха Ольги Бешенковской светил мне все годы нашей совместной жизни. Так же нежно светит он и сейчас. И так будет всегда, пока глаза мои смогут все то прекрасное, что вышло из-под ее пера, читать, а память — благодарно вспоминать каждое мгновение жизни с этой прекрасной женщиной и матерью моего сына...

(Выходит в сокращении.)

Алексей Кузнецов

ПО ПРИНЦИПУ ПОДОБИЯ

*Счастье – это возможность:
Время безмерное проживая,
Дать много больше,
Чем сам получаешь,
Знать, что содеянным добрую
Память надолго оставишь.*

Т. Кайзер

В гостях у «Нового Ренессанса» член Берлинского литературного общества «Berliner Literaturbund» (BLB) и Международного сообщества писательских союзов, член Ассоциации Франко-Европейской литературы, поэтесса из Германии Татьяна Кайзер.

Татьяна о себе: «Когда-то в другой жизни я закончила московский ВУЗ с романтической специальностью – астрономогеодезия, проработала два десятилетия на ниве туркменской академии наук в сейсмологии. В новой – уже второй десяток лет живу в Берлине, работаю в различных интеграционных проектах, девять лет веду клуб духовного общения при интеграционном клубе Диалог. А связывает прошлую и нынешнюю жизнь более 15 лет изучение теории Причинности, причинной психологии».

– Татьяна, расскажите нашим читателям, как и почему вы оказались в Германии?

В Германию моя семья приехала из Туркмении в 1998 со статусом поздних переселенцев. Я родилась в Ашхабаде, оставляя его только на время учебы в Москве, отпусков и командировок. Муж – экономист достиг немалых карьерных успехов, дочь заканчивала школу. Однако обстановка на родине складывалась так, что все больше и больше русскоязычных друзей и знакомых покидали

республику. Встал этот вопрос и перед нами. Понадобилось порядком терпения, пока все сложилось, и родина отпустила в другую жизнь. Я не согласна, что новую жизнь надо было начинать с нуля. Уезжая, просто закрывала какой-то жизненный этап, закрывала с благодарностью за все, что впитала. Ведь самое главное – сознавать, что нас ведут по жизни. Поэтому ни о какой ностальгии речи нет. Пришел срок – надо было следовать дальше. Да, остались друзья, могила мамы, но ведь память о них всегда с собой, а для общения с друзьями – неограниченные возможности интернета.

– Наше виртуальное знакомство состоялось во время работы над одним из первых книжных проектов издательства stella.ru. А как вы узнали об издательстве?

– Это тоже симптоматично – сложилась ситуация и меня нашли. Получила известие по электронной почте сначала о фестивале «Русский Stil», потом об Альянсе русскоязычных женщин «Добродетя». А когда увидела приглашение авторов в проект «Пишем книгу вместе», отправила туда свои работы.

– Я знаю, что вы принимаете активное участие в различных книжных проектах, а чем вас привлекла работа с издательством stella.ru?

– Это так, я имею опыт участия в

литературных сборниках и журналах. Но моя работа со stella.ru – это отнюдь не привязанность к издательству, давшему зеленый свет моим творениям. В данном случае меня заинтересовали уже реализованные проекты, привлекли идеи, а главное – возможность Со-Творчества, работа с близкими по духу единомышленниками.

– Говорят, что альманахи и сборники, выпускаемые вскладчину, это не что иное, как «Братские могилы». Ваше мнение на этот счет?

– Считаю, что это амбиции страшатся затеряться, «похоронить» себя среди прочих. Любой сборник – это еще и многократно умноженная возможность предстать перед читателями. А такова ли участь иных, выпустивших собственную книгу, не шагнущую дальше среды родных и близких? И кто больший могильщик для своих творений?

– Если проанализировать ваши произведения, то сразу можно сказать, что большая часть вашей лирики посвящена духовной теме. Вы верующий человек?

– Да, я – верующий человек. Когда-то в дремучие атеистические времена меня во младенчестве окрестили в католическую веру. Это оставалось тайной для меня. Ведь по нашему советско-пионерскому воспитанию мы все были атеистами, а я так даже

и активной. Грустно вспоминать, сколько изливала перед своей мамой пропагандистских штампов. А когда, спустя много лет, вдруг уловила в высказываниях мамы антиклерикальные суждения – почувствовала стыд и боль за свою ту силу убеждения.

Меня часто спрашивают, как я пришла к Богу. Я не пришла, Он всегда был рядом, только я была слепа и глуха, чтобы это заметить. И поэтому момент озарения запомнила крепко. Во время студенческих каникул приехала в Вильнюс и когда впервые вошла в костел, почувствовала, как словно пробка из макушки выскочила... потом пришло понятие и ощущение ДУШИ... что-то, ранее не осознаваемое, взмыло ввысь... какое-то

новое неизведанное дыхание... музыка... Это потом, услышав орган, отметила созвучие мелодии собственным вибрациям... Тогда-то впервые я сотворила молитву – мольбу о как можно дольше присутствии мамы рядом в моей жизни...

Постигать веру начала с православных традиций. Мне очень близка христианская вера. И я осознаю, что это только один из аспектов Веры. Бог, Абсолют – един, это дороги ведут к Нему через различные религии, конфессии. Вера – это радость, присутствие света в жизни.

– *Татьяна, у вас творческая семья. В некоторых проектах вы участвуете или на пару с супругом или же с дочерью. Расскажите о своих родных.*

– Один из основных – принцип подобия. И если в тебе обнаружилась творческая жилка, значит, непременно окажешься в таком же творческом окружении. В супруге, экономисте по образованию, и прежде творчество выражалось, в основном через его живопись, а в Германии открылась новая грань – резьба по дереву, скульптура. Он дарит мне возможность любования совершенством форм, грацией его творений. Будь то фигуры Мадонны или Спасителя, апостолов или ангелов. Или фигуры животных и птиц, или притягательные фигуры граций, нимф. Это неиссякаемый источник вдохновения для поэзии.

У дочери творчество выражается через рисунок и занятие литературой – прозу и стихи. Я ей только помогла с информацией, где можно опубликовать работы, которые она до того уже несколько лет назад выставляла на различных сайтах и блогах в интернете, в той же Стихири, гораздо раньше чем это открыла для себя я. Ее рассказы собрали урожай отзывов и даже были переведены на другие языки.

А вообще, в жизни у каждого свои задачи, свой путь, на котором встречаем многих. Только все ли становятся попутчиками и как надолго?.. Воистину счастье, когда рядом друзья, когда вы друг другу интересны, когда единомышленники, когда вы – сопутники. Я благодарна судьбе за все встречи в жизни, даже если они несли в себе горечь урока. И я остаюсь в надежде, что предстоит еще много удивительных открытий.

При оформлении материала использованы работы по дереву Любомира Древняка.

Стихи Татьяны Кайзер

Будьте как дети...

Большой имеем за плечами опыт,
Накопленные знания, успехи.
Да только оседлали нас заботы,
Характер обкатали жизни вехи.

Боязнь попасть в смешное положение,
Гордыни рабство чувства притупили.
Привычно облачившись в самомнение,
Дорогу в детство даже во снах забыли.

И снег, и солнце стали лишь погодой.
Поступков без корысти сыщешь редко.
Сомненья управляются тревогой.
И каждый заперт в собственную клетку.

А у ребенка – в ощущениях радость,
Чужой ему рассудочный искус –
Лишь чистота души, желаний, благодать.
«Как дети будьте!» – завещал Иисус.

Счастье

(отрывок)

Счастье – это возможность:
Время безмерное проживая,
Дать много больше,
Чем сам получаешь,
Знать, что содеянным добрую
Память надолго оставишь.
Счастье – увидеть спины детей,
Кутаясь в шаль созвездий,
Благословить их, тебя обогнавших
На пути стремления к Свету.

Пост

Пост – особое время.
Душа приобщается к вечности.
Отказ от мирской суетности
растет из пеленок беспечности.
Проверка – крепки ли связи,
привязки к материальному.
В плену у страстей, нервозности
так трудно увидеть главное.

Нам путь на земле отмерен
мгновением в Мироздании.
Душа набирается опыта,
в котором претворены знания.
Лишь это богатство зачтется
в грядущее воскресение.
И пост как проверка на прочность,
молитвенный труд во спасение.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ

*«Да обретут все Живые существа счастье и причины счастья.
Да не обретут все Живые существа страдания и причины страдания».*
Будда

С Евгенией Сафелкиной нас свело знакомство на творческом конкурсе «Поэзия в фотографии», проходившем в рамках фестиваля «Русский Stil-2009». Как-то я просматривала фотоработы и натолкнулась на снимок, который на первый взгляд не был чем-то особенно примечательным. Тем не менее, взгляд задержался, и чем дольше я смотрела на фотографию, тем явственнее до меня доходил ее философский смысл. Когда Евгения – автор снимка, вышла в финал конкурса – меня этонисколько не удивило.

И вот 2010 год. Вторая работа на конкурс и Евгения снова в финале. Такому успеху можно только позавидовать. Но как ни странно, девуш-

ка из российской глубинки, выставлявшая свои фотоработы на конкурс, вдруг исчезла. Спустя некоторое время Евгения отыскалась в Индии.

Евгения: Изначально целью моего путешествия было изучение буддизма, и как само собой разумеющееся, посещение мест паломничества буддистов. Плюс ознакомление с культурой Индии и Непала (основные четыре: где родился Будда – Лумбини, где он достиг просветления – Бодгайя, повернул первое колесо учения – Сарнатх и ушел в Нирвану – Кушинагар).

– Но почему буддизм? Это весьма необычно для русской девушки.

Евгения: Я думаю, все-таки это Карма. Я верю в то, что действия человека определяют его судьбу. Еще с детства меня волновали вопросы, связанные с поиском смысла жизни, пыталась найти ответы в различных

религиях и прочитала массу литературы. Сразу же хочу оговориться, буддизм – это не религия, а учение. И почему-то именно буддизм я как будто откладывала на десерт, абсолютно им не интересовалась. Примерно лет в восемь нашла книгу про йогов, она меня настолько захватила, что я решила стать йогом. Еще меня покорила история одного йога, не помню, откуда я ее услышала, который много лет (всю оставшуюся жизнь) провел в горах медитируя, ел одну лишь крапиву, от чего его тело иссохло и было зеленого цвета. Спустя много лет я узнала, что это был знаменитый йог Миларепа.

В моем окружении никогда не было буддистов ни среди друзей, ни среди родственников. И вот как-то с подругой мы поехали автостопом на Камчатку, мне тогда было лет двадцать. Добравшись до Читы, поняли,

что не женское это дело так путешествовать и повернули в обратном направлении. Назад ехали на поезде. Решили сделать остановку в городе Улан-Удэ. Перед поездкой один мой знакомый посоветовал обязательно заехать в этот город и посетить Ивалгинский Дацан, что находится примерно в 30-ти километрах от города. Это Центр Буддизма в России. Мы так и сделали. И вот с этого, думаю, все и началось.

Когда мы попали на территорию Дацана, там не было ни души, и на всю округу звучала музыка, а под нее читались какие-то мантры. Во мне что-то екнуло. Мы быстро все осмотрели, но подробнее расспросить что-либо было не у кого. Сама по себе ситуация оказалась не реальной – обычно на территории всегда очень много

народу. В общем, мистика какая-то. И мы поехали дальше.

Позже я стала читать о буддизме, и в следующий раз уже целенаправленно, спустя какое-то время, поехала с двумя подругами в этот Дацан, снова автостопом. Приехали поздно, уехать из него в любом случае не получилось бы. Далее следует длинная история, не буду вдаваться в подробности, но в итоге настоятель Дацана оставил нас ночевать. Мы познакомились с двумя местными хуvaraками (учениками в Дацане), живущими в доме настоятеля. Мы допоздна разговаривали с ними, в основном о буддизме. Когда все пошли спать, я попросила их дать мне что-нибудь почитать. Уже и не вспомню название книги, но в ту ночь я так и не заснула. Мое сознание будто перевер-

нули на 360 градусов, как говорится, «накрыло» меня. А дальше было больше. Сначала самостоятельно изучала буддизм, потом появились учителя. И в один прекрасный миг я поняла, что надо ехать в Индию. Когда я туда попала, то убедилась, что не ошиблась в своих стремлениях.

Как мне кажется, у большинства людей неверное представление о буддизме. Многие считают, что был (или не был) Будда-человек, а буддисты ничем не занимаются, а только слепо в него верят. Мне кажется, что если бы все имели верное понятие о Буддизме, то, как минимум, называли бы себя буддистами — это точно! Ведь это уникальнейшие методы тренировки ума!!! Хотя — это всего лишь моя точка зрения.

— *Итак, Индия. Расскажите о своем путешествии.*

Евгения: Путешествие началось в аэропорту Дели. Затем мы отправились в излюбленное место буддистских паломников или просто странствующих, в тибетское поселение, в районе Манджукатила. Многие тибетцы, в связи с политической ситуацией в Китае, нашли политическое убежище в Индии. Нас встретили знакомые монахи из Бурятии, которые учатся в университете Дрепунга Селинг и Го-мане на юге Индии.

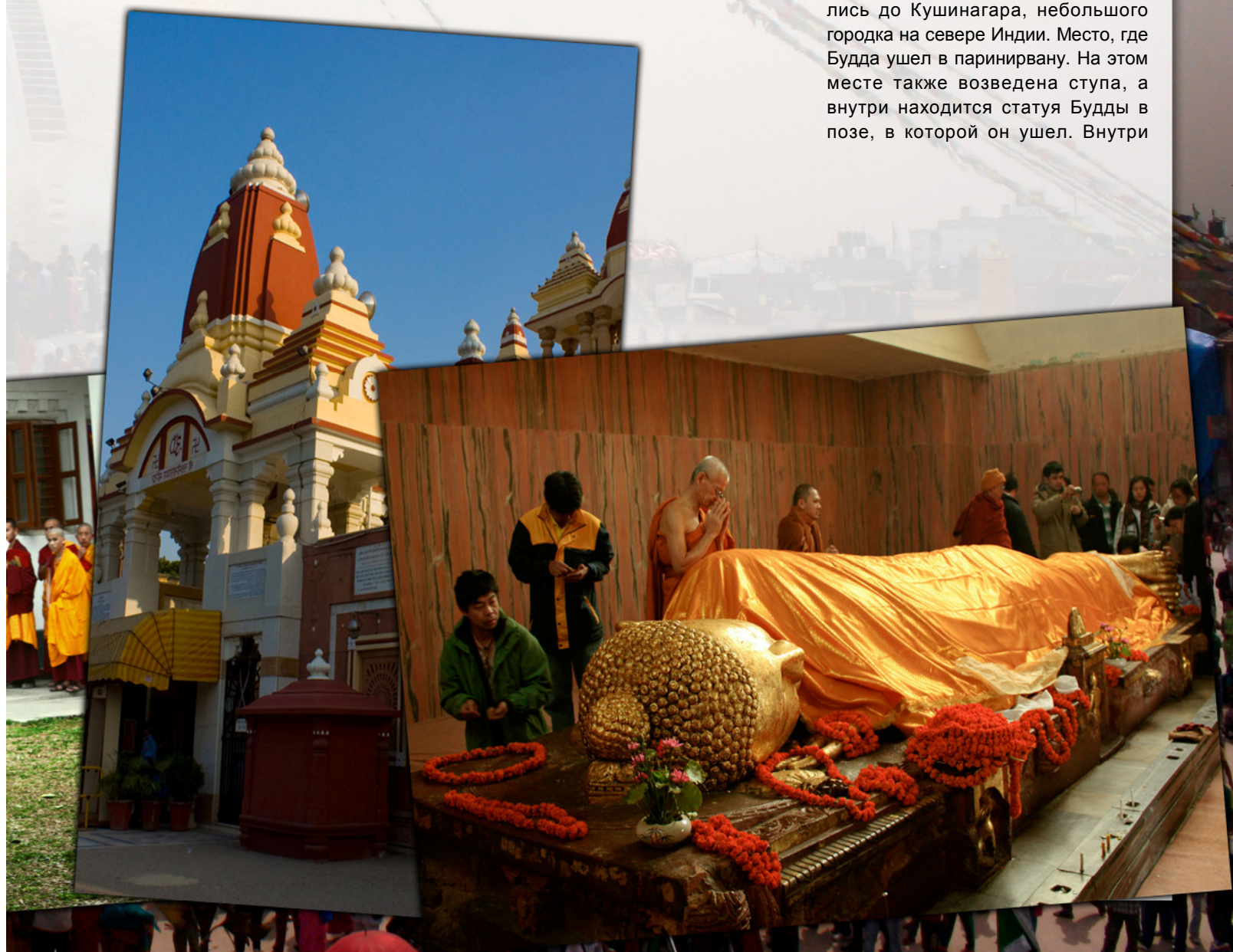
А дальше наш путь был намечен на Дхармасалу. Впервые Его Святейшество Далай Лама 14-й преподавал учение для русских буддистов. Присутствовало огромное количество людей, и монахов, и мирян со всего мира.

В трех часах езды от Дхармасалы, в горной местности, находится озеро Ревалсар. По преданию, отсюда,

в VIII веке, отправился в Тибет один из главных проповедников в истории буддизма — Падмасамбхава. Озеро окружено со всех сторон горами, на вершине одной из которых есть пещера, где он провел некоторое время в медитациях. Это тоже важное место паломничества для буддистов.

А дальше мы взяли курс на Варанаси — знаменитый город на берегу священной для индуистов реки Ганг. На ее берегах проходят кремации, над водой рассеивается пепел умерших и совершаются ритуальные омовения. Осуществив цель нашего путешествия, искупавшись в Ганге и осмотрев местные храмы, мы отправились в Сарнатх, городок в 40 минутах езды от Варанаси. Это место, где известный в истории Лорд Будда, около 530 г. до н.э., в Оленьем парке, «повернул первое колесо учения». В память об этом событии здесь была возведена ступа*.

Затем через Гаракупур мы добрались до Кушинагара, небольшого городка на севере Индии. Место, где Будда ушел в паринирвану. На этом месте также возведена ступа, а внутри находится статуя Будды в позе, в которой он ушел. Внутри

ступы была группа паломников, которая сделала подношение в виде золотого покрывала для статуи Будды, в знак уважения и ради скорейшего просветления всех живых существ.

Следующим пунктом для нас стал городок Лумбини, место рождения Будды. Здесь находятся и строятся буддистские храмы и пагоды** от представителей разных стран. Нереальное количество храмов и ступ!!! Чтобы осмотреть их все, нужно нанять велорикшу, и то дня может не хватить для такого путешествия.

Затем мы пересекли границу с Непалом и доехали до Катманду.

Несмотря на то, что Индия и Непал

находятся рядом, и многие считают их одним целым – это как небо и земля. Непал также является местом сбора паломников, путешественников и ищущих странников со всего мира. Здесь располагается множество буддистских храмов и монастырей, различных школ и сект. Постоянно происходят какие-то буддистские и другие мероприятия, преподаются учения.

В Непале мы прожили 20 дней – и этого оказалось мало!!!

Здесь очень много европейцев, в том числе и наших – русских, которые изучают буддистскую философию и языки (тибетский, санскрит) в учебных заведениях при монастырях. Ну а природа – это просто надо видеть!!!

Наша виза заканчивалась, и нас ждала Бодгайя, или мы ждали встречи с ней. Это место, где Будда в возрасте 35 лет достиг просветления. Каждый год, в зимний период, ступа, воздвигнутая около дерева Бодхи, под которым Будда достиг просветления, собирает вокруг себя огромное количество людей на Монлам***. Каждая школа (Гелук, Кагью, Ньигма, Сакья, а также секты) поочередно проводят свой Монлам. В это время сюда съезжаются практически все монахи со всего мира. Земля содрогается от

горлового пения, а красные монашеские одеяния сливаются воедино. Нереально-неописуемое состояние!

Ну а вообще надо признать, что я влюбилась в Индию и Непал. Скорее всего, они станут моим вторым домом.

Беседовала Л. Баумгартен

**Ступа – буддийский монумент.*

***Пагода – буддийское мемориальное сооружение и хранилище реликвий.*

****Монлам – на тибетском языке означает «устремление, высокое намерение», проходит с восьмого по пятнадцатый день одиннадцатого месяца тибетского календаря.*

ИОНЫЧ В ФУТЛЯРЕ

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО РЕНЕГАТА ОТ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вот и всё, что можно сказать про него.

А.П.Чехов. «Ионыч»

Нынешний 150-летний юбилей А.П. Чехова – хороший повод поговорить о непреходящей актуальности его творений. И о чеховских типажах, что отлично вписываются в панораму современной жизни, несмотря на все проявления технического прогресса.

Я знала одного чеховского героя. Вообще-то, он здравствует и поныне, и остается тем же собирательным образом чеховского героя вечного рассказа «Ионыч».

Он приехал в наш город издалека, в точности как Ионыч в С. – а про культурный фон нашего города лучше Чехова не скажешь: «... в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи». Констатирую, что для нашего героя приезд в С. был действительно культурным прорывом. В месте рождения жизнь его пошла бы по кардинально другому сценарию. А наш герой в юности был честолобив и одарен литературно.

Вторым прорывом в его жизни была заочная учеба в том единственном вузе страны, что обладает «лицензией» на выпуск профессиональных работников слова. Прорыв завершился плавной траекторией полета книзу, движение прекратилось – а ведь именно тогда у нашего героя был шанс построить свою жизнь по третьему сценарию. Екатерина Ивановна, Котик, хотела ехать в консерваторию – поехала и вернулась в С. Наш герой хотел учиться в столице – отучился и вернулся в С. Сцена повторилась. Большой мир не принял чеховских героев, или он оказался для них слишком масштабным?..

Вероятно, второе. Библиотека, театр, клуб города С. показались нашему герою достаточной для проявления его таланта ареной. Ведь, подобно земскому доктору Старцеву, он принес в патриархальный уголок багаж прогрессивного знания. Вплоть до 90-х годов прошлого века в городе С. признавалась лишь одна литература – реалистическая, лишь одна лирика – пронизанная народными и гражданственными мотивами. Смысл реализма до недавних пор состоял в том, чтобы написать абсолютно достоверно нереальную картину с правильной идеологической базой: «...читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли». Такую литературу творили деятели пера города С. Сказать честно, их было немного. Такую литературу, скажем больше, формировали в своих представлениях и поучениях (если о таковых просила пишущая молодежь города С., также малочисленная) писатели города С., гневно отмечая все, что кроме. Литературная жизнь города строилась по схеме: «...Вера Иосифовна... писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям».

О, в таких декорациях талант и познания нашего героя заблестели бы ярчайшими красками!..

Наш герой нашел себе место применения. Это была литературная площадка, созданная в начале 90-х годов

как альтернатива «официозу». «Лицензированный» знаток и поэт пришелся ко двору в оппозиционном литературном кружке. Наши деятели полагали, что их кружок – конфронтация для официально признанной, но замшелой провинциальной литературы. На деле же «...Вера Иосифовна... писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям» – и там, и там.

На своей территории «Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой». Наш герой, на правах выученного поэта, пресерьезно, как мальчик Пава «Умри, несчастная!», – произносил: «Так Поэт не может поступать!». И тот, и другой вряд ли могли бы развить высказанную ими мысль. Таково свойство затверженных постулатов. Еще наш герой имел привычку панибратски называть великих ушедших поэтов по имени-отчеству: Сергей Александрович, Александр Сергеевич... А современников, в особенности тех, кто ему преподавал, – попросту: «Старик Икс!». Тех же, кто ему почему-то был неприятен: «Игреков? А кто он такой? Хю-хю-хю! Даже не говори мне о нем!». Поистине смело для провинции!

И когда дипломированный специалист смело оценивал чье-то творчество, спорить с ним не полагалось – как с диагнозом доктора Старцева. Чужой «диагноз» он априори объявлял ошибочным.

Но когда наш герой потерял свою яркую индивидуальность и стал нарицательным «Ионычем»? Никто из окружающих – и сам он, в первую очередь – этого не заметил.

«Прошел час, другой... прошло больше года... прошло

несколько лет». Вы не поверите, сколько лет прошло! Наш герой – теперь уже полноценный Ионыч – оказался распорядителем круга любителей передовой литературы. В городе С. возникли новые литературные течения, улавливающие всеобщие потоки сознания, устремленные вне города С. В глубинку пришла популярная – поэзия: верлибры, метаметафоры. Но Ионыч этого не заметил. А, может быть, заметил. Но для чего ему было перестраивать свой образ мыслей, пополнять знания, если «в мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной», и вокруг него всегда сидели благодарные слушатели? Их было мало. Но один из постулатов Ионыча, – что литература вообще и поэзия, которой он служил, в частности, нужна узкому кругу людей, способных ее понять. Он его провозглашал часто. Это был универсальный ответ на неудобный вопрос: «Вы печатаете свои произведения в журналах?».

Наш герой, точно креатура Франкенштейна, содержал в себе не только Ионыча. В нем кое-что от Дмитрия Старцева, кое-что от каждого члена семьи Туркиных – Веры Иосифовны, Ивана Петровича и Екатерины Ивановны. И потому отвечал: «Нет, я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать?». Единственным отличием от чеховских реалий было отсутствие средств у Ионыча. У него не было ни коляски, ни рысаков, ни кучера Пантелеймона в бархатной жилетке, ни врачебной практики. И, скорее всего, он давно забыл свою первую профессию. Но он твердо знал, что литературой средства не зарабатываются – сие недостойно.

Нет, Ионыч несколько раз печатался. В двух изданиях – журнале и газете – где его творчество появлялось чаще, с редакторами его связывала крепкая мужская дружба. Газета почилла в бозе лет десять назад. Журнал – не из «Журнального зала» – в последний раз брал стихи Ионыча, кажется, лет пять назад.

Неужели у такого многообещающего поэта нет пути в другие «толстые» журналы?

«Толстые» журналы? «Хю-хю-хю! – сказал бы Ионыч. – Я сам себе толстый журнал!».

Почему бы такому подкованному автору не выступить с литературной критикой?

«Хю-хю-хю! А что тут критиковать?».

Этим ли «хю-хю-хю» объясняется то, что имя Ионыча неизвестно за пределами С.?

Возможно, Ионыч не так честолюбив, как представлялось поначалу? Возможно, он живет в гармонии с собой и миром? И ему не нужна мишура? Но почему же он не бросает своих «занятий» и «читок» на площадке, держащейся по инерции? Просто, видимо, наш Ионыч остановил рост своего честолюбия на самой удобной для него планке. Как доктор Старцев остановил рост своего гиппократова искусства. Как крестьяне не могли противоречить земскому врачу, так литераторы, которые вечно будут «начинающими», не в состоянии спорить с авторитетом Ионыча. В нем видна та же значительность языческого бога. Другие боги от кружка Ионыча далече. Кружковцам не с кем сравнить.

Быть может, сегодня наш герой оснастил свою речь новыми именами-отчествами? Но Ионычи не любят напрягаться...

Недавно я видела нашего героя. Он шествовал в... э-э-э... паб с поэтом, который пятнадцать лет назад казался младому служителю муз образцом ограниченности и самодовольства. Из чеховских персонажей этот тип сравним более всего с отставным урядником Василием Семи-

Булатовым, автором «Письма к ученому соседу». «Стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти». Сегодняшний Ионыч весьма доволен этим общением.

В школьной программе трансформация Дмитрия Старцева в Ионыча называлась ренегатством (буквально – отступничеством от своей природы или веры). Забвение высоких идеалов, предательство самого себя, умерщвление живой индивидуальности, превращение ее в «мертвую душу», или же человека – в заводную куклу. Причину ренегатства наши педагоги видели в среде, окружающей человека. «Судьба заброшенных в провинцию интеллигентов, которые постепенно опускаются в обывательское болото, – это судьба многих чеховских персонажей», – сказано в послесловии к рассказу «Ионыч» в уникальном издании рассказов и повестей Чехова: «Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1935 год». Гневный упрек в сторону «среды» – один из краеугольных камней марксистского тезиса «Бытие определяет сознание», внедренного во все советские науки. Учение «народного академика» Трофима Лысенко о воздействии среды на формирование живых организмов было сопряжено во времени с гонениями на генетику. Педалирование степени воздействия среды на героя в литературоведении – своего рода лысенковщина от литературы – довлело над аналитиками долго: мол, в дореволюционной России, при царизме, все живое поглощалось мертвой средой...

Нет давно в России царизма, нет и жесткой географической ограниченности провинции. Да и причем тут место на карте, если провинциализм – явление не географическое, а, как метко выразился поэт и критик Леонид Костюков, «внутричерепное» («Арион», № 4 – 2009). А Ионычи есть. Гениальный рассказ Чехова не о среде, а о нежелании духовно расти (именно духовно, а не социально-статусно). Сам Чехов уехал из заштатного Таганрога. А наш Ионыч никогда не уедет из города С. Ибо ради достижения вне города С. того же призрачного статуса знатока литературы и известного поэта ему придется совершать множество поступков – а не их имитации. Имитация вместо жизни – суть ренегатства. Удел Ионыча – внутричерепной провинциализм. Своего рода футляр.

В чем истоки ренегатства? В гордыне? Полагаю, что да. Только тому, кто считает себя выше других, грозит остановиться в своем интеллектуальном и моральном развитии. Пальма первенства в литературном открытии этого социально-психологического явления принадлежит Антону Павловичу Чехову.

P.S. Друзья мои! Вы кого-нибудь узнали в этом портрете? Не сомневаюсь, что да.

Елена Сафронова

ОТ ПОЭТРИ-СЛЭМА ДО РОМАНА

Сегодня нам предстоит знакомство с удивительной женщиной, которая переполнена жизнелюбием, творческой энергией и от которой исходит внутренняя доброта, свойственная только детям и многое повидавшим на своем веку зрелым людям. Может именно поэтому она одинаково талантливо пишет для детей и взрослых стихи, рассказы, сказки и романы. Член МГП Нелли Вист – многоплановый автор и этим интересна в первую очередь.

– Нелли, вы участница всех Литературных фестивалей «Русский Stil», которые ежегодно проводятся в Германии. В 2008 году на фестивале в Штутгарте стали обладательницей золотой медали турнира Поэтри-Слэм. Эта победа изменила вашу творческую жизнь?

– Победа в этом турнире была для меня неожиданной, ибо соперники были очень сильными, а прочитанные стихи – прекрасны и высокопрофессиональны.

Большого опыта выступлений перед аудиторией у меня нет, тем более в чтении собственных стихов. И я читала так, как чувствую свои стихи, какими они пришли ко мне в момент творения. Может не совсем профессионально, но от души. Эта победа помогла мне поверить в себя и продолжать писать стихи дальше.

– Два года назад, в интервью после победного выступления на турнире Поэтри-Слэм, вы сказали, что свои произведения публиковать не приходилось, за исключением нескольких рассказов, напечатанных в русскоязычных изданиях Германии. Вы много лет писали «в стол», а в последние два года начали активно публиковаться как поэтесса и прозаик

с произведениями для детей и взрослых. Этому способствовало ваше участие в литературных мероприятиях и проектах или пришло время «собирать камни»?

– Возможно и то и другое. Впервые на фестиваль «Русский Stil» я приехала в поисках издателя. К сожалению, издателя не нашла, но познакомилась с интересными творческими людьми. Общась с ними, я узнала о немецком издательстве stella.ru и его литературных проектах. Так я стала одним из авторов детской книжки «Бобби и все, все, все...» и поэтического сборника «Имя твое – женщина», сборников библиотеки «Русского Stil-a» – «Поэзия. Проза. Эссеистика» и «Писатели детям». Мои произведения были напечатаны в киевском литературном журнале «Золотой Век», в питерском альманахе «Мост», в русскоязычном литературном альманахе немецкого издательства Terterian.

– Нелли, расскажите немного о себе. Когда вы начали писать?

– Родилась и выросла я в Карпинске, Свердловской области. Сначала закончила Исовский геологоразведочный техникум, а затем УПИ в городе Екатеринбурге и стала дипломированным инженером-экономистом. Судьба сложилась так, что 16 лет назад семья переехала жить в Германию. Здесь пришлось освоить еще одну профессию – медсестры с социально-педагогическим уклоном.

Стихи сочиняла с юности, но редко записывала. А те, которые записала, к сожалению, в связи с переездами затерялись. Все ранние стихи я считала скорее детским увлечением, чем поэзией. Только с переездом в Германию появились первые поэтические записи, стихи сами просились на бумагу.

– Ваша судьба «отмечена» эмиграцией. Тяжело было одну жизнь закончить и начать совершенно другую? Как эмиграция изменила вас и ваше творчество?

– Сама тема эмиграции – очень серьезная. Естественно, у меня, как и у всех, были свои сложности и трудности. Но времена сейчас другие и эмигранты не те, что ранее. Живя в другой стране, мы не оторваны от Родины и любим ее, как и прежде. Я часто встречаюсь со своими друзьями, бываю в России и на Украине. Переезд в другую страну обогатил меня: две культуры, два языка, возможность путешествовать по всему миру. Изменились взгляды, произошла переоценка ценностей и иная расстановка приоритетов. Появилось более бережное отношение к прописным истинам и к самой жизни. Я начала развиваться творчески, появилось много новых тем, которые потом отразились в стихах и прозе.

– Кто стал первым читателем (слушателем) ваших произведений?

– Первыми читателями были мои родные и друзья.

– Когда вы почувствовали, что сочинительство – это не просто увлечение, навеянное юношескими грезами, а состояние души, потребность, если хотите.

– Настоящей потребностью это стало тогда, когда я начала писать свой первый роман. Это произошло несколько лет назад. Был момент в жизни, когда все навалилось как-то сразу: болезнь родных, последняя практика во время учебы и предстоящие экзамены. Катастрофически не хватало времени и сил. И вот чтобы преодолеть все это, мысленно отвлечься, я начала писать. И очень серьезно увлеклась.

– Когда вы начали писать для детей – это было неким желанием пообщаться как-то по-иному со своими детьми?

– Сказка – это всегда что-то светлое и чистое. Писать для детей особенно приятно. Мои дети уже взрослые парни, но именно они являются моими первыми читателями сказок.

– В какое время суток проходит большая часть вашего творческого процесса? «Сова» вы или «жаворонок»?

– Пишу тогда, когда есть свободное время. Я тружусь в социальной сфере, работаю с людьми, а это всег-

да сложно. И чтобы все получалось, необходимо вкладывать в работу не только время, но душу и сердце. Также и в творчестве.

– Чем живет сегодня поэтесса и писательница Нелли Вист?

– Как у каждого творческого че-

ловека, у меня есть свои замыслы и планы, которые, я надеюсь, найдут свое воплощение в будущем. А вот стихи я продолжаю писать вне зависимости от моих планов – это состояние души. Ниже приведу одно из последних стихотворений.

Бабье лето

Ты откуда вся такая, озорная, золотая?

– Из радуги, из яркого света!

– Из осени, из бабьего лета!

Рыжая девчонка вдоль по саду шла
И шуршала тихо желтая листва,
И качались кроны в синих небесах,
Отражалось солнце в девичьих глазах.
Рассмеялось лето вслед девчонке той,
Припугнуть хотело позднюю грозой.
Танцевала лихо, босо по траве,
Лишь сверкали капли в рыжей голове.
Радугой весенней осень зацвела,
Радость и веселье в сердце принесла.
Кто же ты такая? Отзовись скорей!
Пролетела мимо стая лебедей,
Росчерком осенним да в канун зимы
Зазвучали струны нежные весны.
Весело смеялась та девчонка всем,
И улыбкой брызгал в сердце яркий день.
Пролетела вихрем, как весенний цвет,
Вот, казалось рядом, а уже и нет!
Так бывает часто на дороге сей –
Улетело счастье до весенних дней.

Небольшая справка для тех, кто не знает что такое Поэтри-Слэм

Слэм – это литературоцентричная игра, а в ее центре – живой автор, артистично исполняющий собственный поэтический текст.

Сама идея поэтических турниров (правила могут варьироваться от эпохи к эпохе, от страны к стране) не нова. Более того, она древняя, как мир. «Слагание стихов как публичная игра, преследующая цель, едва ли связанную с сознательным творчеством, встречается повсюду и в самых разнообразных формах. Редко отсутствует при этом и элемент состязания», – пишет Йохан Хейзинга в своем фундаментальном труде «Homo ludens. Человек играющий» (М., 2001).

Древнегреческие лирики состязались на поэтических турнирах за сотни лет до наступления нашей эры. Мастера магической поэзии в средневековой Скандинавии – скальды – именно на турнирах определяли степень своего могущества. Первые упоминания о поэтических турнирах в древней Японии относятся к IX веку нашей эры.

Таким образом, изобретенный вроде бы в США в 80-е годы XX века поэтический слэм – это всего лишь новейший зеленый листок на могучем мировом дереве, имя которому – poiesis, «творчество», «сотворение».

Недавно я закончила работу над романом в двух частях «Уходящая в рассвет». Роман пока не издан, хотя предварительные переговоры с одним из издательств уже велись. Но, увы... Так что в настоящее время ищу нового издателя и жду предложений. Понимаю, что ждать особенно трудно «в первые пятнадцать лет».

– Как появилась идея написать роман и о чем он?

– Идея написания романа появилась давно. Я очень много путешествовала, часто бывала в экспедициях, видела и соприкасалась со многими странами, народами, религиями и нравами. В этих путешествиях многому научилась, многое поняла и переоценила в жизни. Это

происходит и с моими героями. События в романе охватывают период, начиная с первой половины XV века и до наших дней. Первая книга – это времена татаро-монгольских набегов, древний Иран. Главная героиня получает кристалл, который по преданию принадлежал Великому Тимуру... Вторая книга посвящена нашим дням и героиня уже проходит через страны – Афганистан, Пакистан. Индию, где другая религия, мышление, образ жизни...

– Как вы считаете, для кого эта книга?

– Хотелось бы верить, что эта книга будет интересной, как для подростков, так и для более зрелых читателей. Думаю, в ней каждый сможет

найти что-то для себя.

– Нелли, желаем вам уже в ближайшее время найти издателя для вашего романа. А еще ждем новых стихов и прозаических произведений для детей и взрослых в вашем исполнении. Вдохновения и творческих успехов.

– Большое спасибо. В свою очередь хочу пожелать всем читателям интересных произведений! А их авторам – неугасающего желания творить и исполнения творческих замыслов! И абсолютно всем – удачи, удачи и еще раз удачи!

Беседовала Елена Яхненко

СОВЕРШЕННАЯ ПРОСТОТА

Однажды в книге Софии Русиновой мне попались такие строчки: «...хайку – это дверь в некоторое чувство или состояние, причем не всегда у этой двери хорошо смазаны петли, а иногда к ней еще и ключ требуется». Это мнение современного поэта хокку, и для современного читателя это действительно так. Сегодня городские поэты не путешествуют пешком из деревни в деревню, из города в город, им не надо заботиться о ночлеге, о хлебе насущном, им некогда рассматривать ползущую по листу гусеницу, им порой не слышно за рощей шума реки... А ведь само хокку уходит корнями глубоко в историю древней Японии, когда странствия поэтов, монахов, ученых было нормой. Путешествуя, они вели дневниковые записи, которые мы сейчас читаем (в переводе) с таким наслаждением и благодарностью.

Поэт-странник Басе путешествовал всю свою жизнь. И в странствиях под палящим солнцем, снегопадами, ветрами, часто голодный и не имеющий крова для ночлега – он записывал в дорожные дневники свои наблюдения и, конечно же, хокку, превращающие мгновения бытия в вечность. Это была новая веха в истории японской поэзии. Ведь хокку родилось, пробивалось и зрело из начальных строк пятистишия-танка. Изначально эти три строки были шутейными, пародийными, остроумными экспромтами. Затем произошел перелом развлекательного момента в поэзии, и появились такие понятия, как легкость, искренность, созерцательность, прозрачность формы, наполненной поистине глубоким смыслом, лиричность. Кажущаяся простота хокку – это та совершенная простота, за которой – постоянная работа души, обостренная чуткость в восприятии мира:

едва-едва добрел,
усталый до ночлега...
и вдруг – глициний цвет! (Басе)

«Высоко воспаряя душой, следует возвращаться к низкому, – учил поэт. Но и предостерегал, – если в твоём восприятии мира нет новизны и неповторимости, то лучше молчи! В основе всякого творения лежит учение о неизменно-текущем, – напоминал он. – Если забыть о неизменном, то легко лишишься почвы и опоры. Если забудешь о текущем, то утратишь новизну». Своими строками хокку он учит нас, что в каждом маленьком хокку должно чувствоваться дыхание целого мира и о том, что видеть все надо как при вспышке молнии. Пусть ваши мысли блу-

ждают где угодно в мире природы, в мире людей, описывайте дворцы или кельи, но не дай бог слагать стихи о чем-то, что самого тебя не затронуло: это будет иметь дурные последствия и для тебя и для читателя. Надобно запечатлеть в слове то мгновение, когда сияние, исходящее от вещи, еще не погасло в твоём сердце. Учение Басе бесценно...

С легкой руки Басе многие японцы стали сочинять хокку, а через века и европейцы. К сожалению, иные современные поэты в свои строки вносят банальность, красоту, претензии на многозначительность. Скорей всего это рассчитано на непритязательного читателя и это провоцирует ослабление образного мышления и потери интереса чтения стихов. Душа обязана трудиться и день и ночь – не зря так сказал один поэт.

В далеком уже 1987 году, в пору книжного дефицита, вместе с дочкой купили случайно(!) в магазине книжку классических японских трехстиший «Одинокий сверчок». Дома стали вместе листать, разглядывать изумительные рисунки в книжке и читать хокку. Дочка вслух прочитала стихотворение Иссэ:

«за праздничный стол
по-свойски уселась кошка –
старый год проводить...»
И сразу спросила меня:
«Этот дядя был у нас в гостях?»

«Нет, – отвечаю, – а почему ты спрашиваешь так?»

«Но он же о нашей кошке пишет, как она запрыгнула на наш новогодний стол под бой курантов».

После этого мы вечерами долго говорили-рассуждали о чуде этих маленьких стихов. А когда дочка подросла, то одним поздним ветреным вечером она совершенно неожиданно прочитала:

«осенняя ночь...
ветер скулит за окном
брошенным щенком».

Свое хокку. Первое. Вот таким эхом вернулся к нам «Одинокий сверчок». С этой книжки началось и мое «просветление» и переосмысление действительного мира.

серое небо
раздувает ветер огонь
Георгинов

по опавшей листе
рыжий кот промчался.
или ветер? сумерки...

заморозки
холодным ознобом
рябь по воде

едва желтым
облаком плывет луна
цветет цикламен

встречая утро
широко раскинутыми руками
обнимаю солнце

зимний ветер
прервал сон ворон.
хриплое карканье ночи

вот и зима –
по крышам сосульками
вчерашний дождь

будка сапожника
на заросшей тропке
топчутся вороны

слишком поздно
вернулась домой...
в окнах – рассвет

снегопад!
домой идут два снеговика –
большой и маленький

клен бросает
золото под ноги женщин.
бабье лето

давно за полночь
смотрит фонарь не мигая
на мое окно

ты и я – свеча
отраженная
в зеркале

весна Вивальди
несется через форточку
в снежное утро

тебя вдруг вспомнив,
счастливую улыбку дарю
проходим

начало марта
из старого лука
зеленые стрелы

в день, когда ты ушел,
выпал снег
и поглупели рифмы

чашечка кофе
утро одиночества
такое горькое

белоснежность зимы
как ярка зелень
в прищуре глаз кота!

в крошечной темноте
черный кот невидим...
мурлычет где-то рядом

Валентина Назарова

Учредитель:

Международная Гильдия Писателей

<http://schriftstellergilde.org>

Издатель:

© Издательство «stella.ru»

<http://stella.ucoz.de>

Редакционный совет:

С. Куропатов

В. Точилин

Редактор:

Е. Яхненко

Дизайн:

© В. Цветков

Ответственный секретарь:

Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

ISBN

2010

Verlag «stella.ru»

Deutschland

ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953